

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXII • 2019 • № 2

Выходит 2 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: Федеральное государственное учреждение науки
«Институт восточных рукописей РАН»

**Посвящается 70-летию юбилею российского
монголоведа Ирины Владимировны Кульганек**

191186. Санкт-Петербург.
Дворцовая наб., д. 18
Тел. (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор, доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чешская Республика)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Л. Г. Скородумова, *доктор филологических наук (Россия)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор (Россия)*
С. Чулуун, *доктор исторических наук, профессор (Монголия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 13.11.2019
Формат 60×90 1/8. Объем 13 печ. л. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,
Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. *e-mail:* editor@isvov.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/6rgv-sz04

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2019

В. Инжинаш

Палата красных слез

DOI 10.25882/q136-j978

© Л. Г. Скородумова, 2019

Роман

Глава четырнадцатая

*Слушая шум дождя, предаюсь воспоминаниям о прошлом,
Глядя на цветы сливы, наслаждаюсь свежим ароматом.*

Итак, Лисян откинула полог, и послушница, освещая дорогу лампадой, провела Шэнжу в комнату, напоенную ароматом благовоний. Занавеска была опущена, окно приоткрыто, и в комнату шел свежий воздух. На северной стороне стоял кан, у окна — письменный стол, на стене висели рисунки Пуюя и Циньмо. Шэнжу посветила лампадой и принялась их рассматривать.

Рисунок Циньмо, сделанный на круглом листе бумаги, висел сверху. На нем были изображены лотосы, словно живые, распустившиеся от ветра, с каплями вечерней росы. Рядом — две белые бабочки, нарисованные с необыкновенным изяществом. Снизу, на квадратном листе — рисунок Пуюя, в приглушенных тонах, с небольшим добавлением желтой краски: камни, скалы, цветы, вьющиеся растения — все с большим вкусом, ничего лишнего. И подпись: «Рисовал в западной комнате Цветочного павильона, у южного окна, в год синего быка, молодой господин, смачивающий кисть».

Шэнжу невольно вздохнула, глядя на рисунок Циньмо, и промолвила:

— Какие прекрасные линии в этом рисунке и какая заключена в нем глубокая мысль! Почему же ей, такой одаренной, суждено было безвременно погибнуть? Этот рисунок напоминает живопись древних мастеров! — Из глаз Шэнжу выкатились две слезинки.

— Барышня, — сказала Мяо-Луань, — вы так страдаете, так написали бы на рисунке несколько строк в память о старом друге.

Шэнжу кивнула.

— Я не только напишу несколько строк, — сказала она, — а завтра же поднимусь на гору и сожгу там бумажные деньги.

Мяо-Луань, заметив, что на Шэнжу снизошло вдохновение, велела Фэйтан снять со стены рисунок Циньмо, а сама положила на стол лист бумаги, принесла тушечницу, растерла тушь и обратилась к Шэнжу:

— Теперь, когда на рисунке появятся и ваши стихи, я, глядя на них, буду думать, что снова вижу ваши прекрасные лица, слышу звонкие голоса.

Княгиня Бэнь в это время была у настоятельницы, слушала чтение буддийской сутры, и Шэнжу с Мяо-Луань были одни. Шэнжу внимательно посмотрела на рисунок Циньмо, взяла кисть и написала:

Деревня за рекой среди редких деревьев.

Если даже всмотришься, вдали неясно вырисовывается вода.

Одинокий гусь улетает, и уносится в небо его крик.

В облачной дымке деревянный мост, призрачная луна.

А внизу подпись:

«Год белого дракона, вторая половина среднего месяца осени, на пути в Сучжоу. Монастырь Белых облаков. На память о встрече с давней подругой. Вдохновленная рисунками моих дорогих сестриц, написала несколько строк».

Мяо-Луань не в силах была постичь глубокого смысла стихов и спросила Шэнжу:

— Почему, барышня, вы написали свои стихи на этом рисунке, а не на том, что внизу? К нижнему они

больше подходят. Шэнжу улыбнулась, но не успела ответить, как в разговор вмешалась Лисян:

— Барышня Мяо сказала, что у нее есть рисунки всех трех барышень; нашей, барышень Циньмо и Лумэй и еще младшего господина Пуюя. Но о Пуюе вы и словом не обмолвились, вспомнили только о сестрах. Видно, не хотите упоминать имя того, кого любите!

Шэнжу, сощурив глаза, обратилась к Лисян:

— Время позднее. Пойди за госпожой во флигель. Надо нынче пораньше лечь — завтра пойдем на могилу барышни Циньмо.

Лисян вышла, и вскоре появилась княгиня Бэнь. Вместе со служанками она отправилась на ночлег в соседний домик, а Шэнжу осталась у Мяо-Луань. Они еще долго разговаривали, вспоминали детство и уснули за полночь.

Утром все рано поднялись, привели себя в порядок, поели. Шэнжу и Мяо-Луань уже ждали паланкины, они отправились на гору. Княгиня Бэнь еще не совсем оправилась от недавних переживаний и осталась в монастыре. Чтобы попасть к могиле Циньмо, надо было перейти мостик, подняться на холм и пройти еще пять-шесть ли. Слуги семьи Мэн, бывавшие здесь не раз, быстро нашли могилу и приготовили все необходимое для совершения обряда — ароматические свечи, бумажные деньги, вино.

У основной рощи Шэнжу и Мяо-Луань вышли из паланкинов и дальше отправились пешком. Под ногами шуршали сухие листья, то здесь, то там встречались песчаные холмы, в соснах шумел ветер, раскачивая ветви. Оставшиеся на деревьях листья приобрели красноватый оттенок, трава пожелтела. Глядя на эту печальную картину, Шэнжу с грустью думала: «Циньмо выросла в богатстве и роскоши, а сейчас лежит в этой безлюдной степи совершенно одна». При этой мысли Шэнжу заплакала. Мяо-Луань показала на видневшийся впереди холмик:

— Взгляните, барышня! Там написано: «Здесь покоится Циньмо из семьи Цзинь».

Шэнжу ничего не ответила и заплакала навзрыд. Одна из служанок растелила на земле толстый войлок, другая взяла бокал с вином, Мяо-Луань зажгла свечи. Шэнжу совершила обряд, опустилась на колени, окропила землю вином и стала причитать:

— Сестрица моя, Циньмо! Твоя светлая душа улетела к богам, а священное тело покоится в земле. Помню, как в детстве мы у окна рукодельничали. Как сидели возле пылающего очага, как сочиняли стихи, шутили. Теперь это может только присниться. По пути в Сучжоу я посетила твою могилу и принесла вино. Ничто больше тебя не тревожит: ни облака, ни деревья, ни горы, ни реки. Склоняюсь перед тобой, о святой дух! — Тут Мяо-Луань еще громче заплакала. Служанки сожгли бумажные деньги. Лисян и Фэнмэн подняли с колен Шэнжу. Не переставая плакать, все пустились в обратный путь.

Погода снова испортилась, подул ветер, начался дождь. Осенние дожди, как известно, затяжные. Княгиня по-прежнему слушала чтение сутры, а Шэн-

жу и Мяо-Луань, возвратившись в монастырь, вели свои нескончаемые разговоры. Дождь монотонно стучал по старой сливе. Медный колокольчик под козырьком крыши позванивал на ветру. Прислушиваясь к этим звукам, Мяо-Луань сказала:

— Жаль, барышня Циньмо родилась девушкой. Будь она юношей, стала бы главой Срединной равнины¹.

Шэнжу спросила:

— А кто тебе по душе, сестрица Лумэй или сестрица Циньмо?

— У каждой из них были свои достоинства, — ответила Мяо-Луань. — Барышня Лумэй остроумна, барышня Циньмо прозорлива и обходительна.

Шэнжу улыбнулась:

— Но ты ведь говорила, что никто из сестер не может с ней сравниться по красоте и добродетелям.

Мяо-Луань поняла, что слова, сказанные ею однажды по секрету старой госпоже, дошли и до Шэнжу и задела ее за живое. Поэтому она с улыбкой промолвила:

— Самое лучшее — держать свое мнение при себе. Да и стоит ли вспоминать об этом сейчас? Вы, барышня, единственная, кого пощадила судьба!

Шэнжу покраснела и перевела разговор на другое:

— О! Колокола зазвонили! Как красиво их звон сливается с шумом дождя, настоящая музыка.

— Наши колокола, пожалуй, не хуже тех, что звонят в полночь в храме Холодных гор, близ города Сучжоу.

— Помню, в тот год, — сказала Шэнжу, — когда я уезжала весной из поместья, мы все сидели в павильоне Изумрудных волн, тогда тоже шел дождь и дул ветер, а из восточного монастыря доносился колокольный звон. И ночь была такой же холодной и ясной. Но прошло время, кого-то не стало, кто-то в дальних краях — нет рядом моих подружек и сверстниц.

Они разговаривали, а дождь то усиливался, то стихал. Постепенно начало проясняться.

Прошла неделя, починили лодку, снова перенесли в нее прах господина Мэна, можно было продолжать путь. Княгиня Бэнь и Шэнжу никак не могли расстаться с Мяо-Луань, хотели взять ее с собой в Сучжоу, но та наотрез отказалась. Им ничего не оставалось, как поблагодарить монахиню, попрощаться и сесть в лодку. Мяо-Луань проводила их до самого берега, и со слезами на глазах они расстались. Дождь прекратился, небо совсем прояснилось, подгоняемые северным ветром, лодки легко скользили по воде. Неподалеку от Сучжоу княгиню с дочерью встретили Ду Цзиньчжун и Гун Гао и проводили их в отремонтированный дом. Княгиня не мешкая отправила их к брату передать поклон и благодарность.

Встретившись с князем, Гун Гао прежде всего рассказал ему о делах, после чего позвал Ду Цзиньчжуна, и тот передал князю все, что велела госпожа.

¹ Под Срединной равниной подразумевается Китай.

Тогда князь Бэнь спросил, как обстоят дела со свадьбой.

Ду Цзиньчжун опустил на колени и отвечал:

— Родители покойного жениха были так добры к своей будущей невестке, что наша госпожа в благодарность пожелала три года носить траур. Срок его истекает будущим летом, и в восьмом месяце можно сыграть свадьбу. А пока рано об этом говорить. Все это госпожа просила меня вам передать.

— Что же, — промолвил князь, — не так уж долго ждать, боюсь только не успеть со свадьбой — ведь к тому времени меня могут перевести на службу в другое место. Но не будем загадывать, проживем — увидим. Поедешь домой, передай госпоже: все будет так, как она сказала. На украшения для невесты пусть не тратится. У нас есть все необходимое.

Слушая князя, Ду Цзиньчжун лишь поддакивал, а потом, пятась, вышел из комнаты.

О том, как княгиня Цзинь приняла подарки, переданные управляющим из дома Мэн, и снарядила его в обратный путь, мы распространяться не будем. Расскажем лучше о Пуюе.

Весть о том, что свадьба откладывается, опечалила его. Почти все время он проводил дома, вместе с Фушоу разбирая рисунки и прописи Циньмо, а если выходил, то лишь к Ли Сяньчжану и Ши Линьюню, чтобы за бокалом вина сочинять в их обществе стихи. Утро он проводил с отцом, а вечерами отправлялся в горы на озеро Сиху.

Однажды в погожий ясный день, когда дома никаких дел не было, Пуюй решил найти художника, чью картину видел, когда был с Ши Линьюнем в горах. Он взял двух слуг и вышел из города через западные ворота. Дул ласковый ветер, ярко светило солнце, но жары не было — стояла прекрасная, теплая погода. По обе стороны дороги в пышном цвету тянулись сливовые деревья. Это была великолепная картина! Пуюй ног под собой не чувал и не заметил, как прошел больше десяти ли. Вдруг дорога будто оборвалась — исчезли и горы, и озеро. Пуюй спросил у лодочников, что это значит. Они с улыбкой ответили:

— Разве может оборваться дорога? Идите через ущелье — и там очень красиво!

В ущелье и в самом деле было много прекрасных мест — густые рощи, перелески. Пуюй шел, наслаждаясь природой, все дальше и дальше в горы. И так миновали еще два ли. Глаза не уставали любоваться всей этой красотой. Давали знать о себе ноги, и Пуюй, очутившись у большого сада, сел на камень причудливой формы немного передохнуть. А в саду чего только не было! Водоемы, бамбуковые рощицы, легкие, словно парящие в воздухе козырьки крыш, беседки, красная деревянная решетка, между деревьями — обтянутые зеленой бумагой окна, на деревьях поют чудесные птицы. А сколько цветов! Все изящно, со вкусом! Наверняка здесь живут богатые знатные люди. Сиятельный князь или важный сановник!

В общем, так запросто туда не войдешь. Пуюй долго сидел, но за это время никто не вошел и не вышел из сада. «Никого, видно, здесь нет, — подумал Пуюй. — Хозяева в городе. Что дурного я совершу, если войду». Решив так, Пуюй оставил слуг у калитки, а сам, пригнувшись, втиснулся через щель в калитке, спрятавшись за искусственную горку и огляделся. Сад был огромный, узкая дорожка петляла, кружила, и Пуюй на каждом шагу останавливался. Обойдя круглый навес, он очутился у маленькой беседки. Возле галереи цвела слива, и Пуюй, подняв голову, с наслаждением вдохнул ее аромат. Тут он увидел высокую башню и услышал, как открылось окно. Из окна выглянула необыкновенной красоты девушка. Пуюю показалось, что он видел ее пятьсот лет назад, как герой Западного флигеля свою возлюбленную.

Все было в ней совершенно: нос, брови, губы, глаза. Неожиданно взгляды их встретились, оба вздрогнули, девушка прикрыла лицо руками, быстро затворила окно, еще раз взглянула на Пуюя и исчезла.

«Уж не призрак ли это?», — подумал Пуюй, до того девушка похожа была на Циньмо. Нежное, как нефрит, лицо, тонкие брови — словно горы, иссиня-черные, точеный нос, губы как вишня. А как она на него посмотрела! Словно узнала и тотчас же скрылась. Он хотел крикнуть, позвать девушку, но боялся ошибки. Сомнения терзали юношу. «А вдруг все же это Циньмо?» Тогда он снова ее потеряет и еще пятьсот лет не встретит. Что же делать? Войти в дом или бежать отсюда? Пока он размышлял, в беседке послышался шум и появился мальчик-слуга.

— Кто ты? Как очутился в нашем саду? — закричал он.

— Я бродячий поэт, пришел издалека, — смущенно ответил Пуюй. — Сюда забрел случайно — хотел полюбоваться сливой.

— Здесь не место для прогулок, — сердито сказал мальчик. — Уходи, не то позову людей, и тебя схватят! — Мальчик убежал.

Пуюй знал, что поступает неосмотрительно, а потому без долгих разговоров вышел за ворота, думая про себя: «И все же это Циньмо. Нет, Циньмо умерла и похоронена на горе. Я видел ее могилу. Но разве могут быть в Поднебесной две совершенно одинаковые девушки?» — мысли Пуюя пришли в такой хаос, словно в голову ему вылили пятнадцать ведер воды. Он остановился у калитки, не в силах двинуться с места. Затем поднялся на небольшую скалу и принялся внимательно смотреть в сторону беседки. Окошко было слегка приоткрыто, вокруг стояла тишина. Ее нарушил слуга, который обратился к Пуюю.

— Солнце клонится к западу. Мы можем не успеть дотемна в город, если замешкаемся.

Скрепя сердце Пуюй согласился, но вдруг его осенило:

— Кисть и тушечница у нас с собой? — спросил он слугу.

— Вон в том ящике, — ответил Баоцзянь.

Пуую велел тотчас их принести, смочил кисть в роднике и на стене рядом с калиткой написал стихи о том, как плакала ласточка в ветках бамбука в тот год, когда они расстались с Циньмо.

Не успел он поставить свое имя и дату, как из домика у подножья горы вышли две женщины и направились к калитке. Увидев Пуую, они подняли шум.

— Что за безумный здесь объявился? У нас дворец, а не монастырь, где всякий бродяга малюет что вздумается. Сейчас позовем управляющих!

Они скрылись за воротами сада, захлопнув калитку. С большим трудом уговорили слуги Пуую сложить кисть и тушечницу и возвратиться домой.

Несмотря на то что дело шло к вечеру, на дороге людей было, что муравьев в муравейнике. От усталости Пуую едва волочил отяжелевшие ноги. Хорошо, что Юанькай и Фухай поскакали ему навстречу. На берегу, у сломанного моста, Пуую сел на коня и благополучно доехал до дома.

Вы спросите, что за красавицу Пуую видел в беседке? А дело в том, что сановник Дай после неудачного сватовства приемной дочери отошел от дел, сославшись на нездоровье и почтенный возраст. Император явил великую милость, оставил ему все чины, от службы освободил и разрешил вернуться на родину. Сановник взял жену и двух дочерей (он удочерил еще и Лумэй) и поехал в Ханчжоу, в свое поместье у подножья гор Мэйюй, близ Сиху, где на дамбе его дом. Место было чудесное, но глухое, безлюдное. Сановник не любил шума и почестей и потому не сообщил о своем прибытии. Он мечтал о спокойной жизни в лесной тиши возле дарующего прохладу озера. В общем, никто не знал о его приезде. Циньмо и Лумэй не хотели ехать на юг, но не посмели об этом сказать и решили жить, как река течет, бегут облака. Да и увидеть новые места им было интересно. С названными родителями им жилось хорошо и спокойно. После завтрака сестры обычно шли в сад и там отдыхали в беседке. Окружающий пейзаж ничем не напоминал их Сад ароматов, но цветы и травы были так же прекрасны и радовали душу.

Однажды Циньмо и Лумэй сидели у окна с рукоделием, от весеннего тепла их клонило в сон. Они отложили рукоделие и вышли в сад.

Лумэй показала рукой на беседку, видневшуюся вдали на вершине гор, и промолвила:

— Сестрица, взгляни, как похожа эта беседка на беседку Приближающую горы во дворце Бэнь!

— Что-то я не припомню. А вон те два раскидистых дерева очень напоминают те, что росли возле Восьмиугольной беседки, у западной ограды, — ответила Циньмо и со вздохом добавила: — Мы в детстве, бывало, встанем с утра, причешемся и сразу в сад — играем, веселимся, чего только не вытворяли. А сейчас мы словно обрели новое рождение и уже никогда не будем теми, что прежде. — При этих словах у Лумэй на глаза навернулись слезы.

В это время ее позвала Хуамэй, которая стояла на берегу пруда, опершись о каменные перила.

— Барышня, идите сюда, посмотрите, льда совсем не осталось, уже рыба резвится в воде!

Когда Лумэй подошла, служанка сказала:

— До чего же я глупая! Разве мог не растаять лед, если слива уже распустилась!

— Где распустилась? — спросила Циньмо.

— Возле северной стены у маленькой башенки с круглым навесом. Там ее очень много.

Циньмо пошла следом за Хуамэй в башенку и открыла окно, чтобы полюбоваться сливой, но в этот момент увидела юношу. Он показался ей очень знакомым, и вместо того чтобы убежать, девушка прикрыла лицо руками и присмотрелась к юноше повнимательней. Вылитый Пуую. Циньмо была дрожь.

«Как попал он сюда? Или мне снится?» — подумала Циньмо и ущипнула себя, снова взглянула на юношу. Лицо его за деревьями трудно было как следует рассмотреть. Оно почему-то казалось темным, даже слегка красноватым — то ли от падавшей на него тени, то ли Пуую успел загореть на весеннем солнце. И сложен юноша точь-в-точь как Пуую, правда, казался немного полнее. Вдруг Циньмо вспомнила, что есть еще Ци Пуую, говорят, копия Пуоя. Может, это он? Если Ци Пуую мог сюда прийти, почему не прийти Пуую? Кто пойдет в такую глушь, чуть ли не на край земли? На севере есть у Пуоя двойник, тогда он может быть и на юге! Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Циньмо. Она была в замешательстве. Тем временем девочка-служанка, заметив в саду чужого, позвала мальчика-садовника, и прищельца прогнали.

Циньмо смотрела ему вслед — даже походка как у Пуоя. На радостях она, забыв об осторожности, велела позвать Лумэй.

Служанка обошла весь сад, но Лумэй не нашла — оказалось, Лумэй была у княгини Чэн, читала ей вслух. Циньмо уже хотела выйти из беседки, как вдруг увидела двух привратниц, они шли и чем-то возмущались. Циньмо окликнула их, спросила, в чем дело. Женщины ответили:

— Сейчас мы были у северных ворот, ходили позвать в дом невестку, вдруг видим — возле калитки какой-то безумец прямо на чистой стене что-то пишет. Мы стали его прогонять, выхватили кисть, а сейчас идем к управляющим, пусть его схватят и высекут плетью.

Циньмо с улыбкой заметила:

— Зачем же наказывать глупого деревенского парня? Скажите об этом садовнику и все. А я пойду посмотрю, что он там написал.

Пришел садовник и сказал:

— Этот бродяга уже ушел. Не станет же он ждать, пока его схватят. Я его еще раньше заметил и спугнул.

Циньмо в сопровождении служанок пошла взглянуть на надпись. Это были ее стихи, а почерк — Пуоя. Девушка и удивилась, и обрадовалась. А потом вознесла молитву Небу и Земле:

«О Небо-отец, Мать-земля, поистине, нет для человека преград. И если суждено, люди встретятся хоть на краю неба, на берегу океана — на все воля Всевышнего. Но как же я сразу не узнала его, а он узнал? Нет, не узнал, иначе он позвал бы. Решил

проверить себя, потому и написал эти стихи. До чего же ты мудрый, Пуюй!»

Девушка не сдержала слез, они шли из самой глубины ее сердца. Вдруг заскрипела калитка, и кто-то вошел.

Глава пятнадцатая

*Удивительный случай в божественном дворце. Смех и слезы.
Странная и неожиданная встреча в саду, напугавшая всех.*

Итак, Циньмо услышала за спиной шаги и обернулась. Это была девочка из личных служанок госпожи. Она сказала, что госпожа зовет барышню. Циньмо ответила, что придет немного позже, и велела девочке возвращаться. «Непременно надо подать Пуюю знак, написать что-то в ответ, — решила Циньмо. — „Белые облака“ — вот, кажется, его любимое стихотворение. Но нельзя же исписать всю стену!» Циньмо подумала, позвала садовника, велела принести воды, смыла написанное и на его месте написала стихи о белом облаке. «Если он снова придет, — подумала она, радуясь, — узнает мой почерк и поймет, что я здесь». Убрала кисть и тушь, Циньмо поспешила в южный павильон к госпоже Чэн.

Пятнадцатого числа второго месяца в Индийском храме молились во здравие сановника Дая, поскольку болезнь его после возвращения на родину обострилась. Индийский храм расположен в окрестностях озера Сиху, известного своими десятью достопримечательностями: весенним рассветом на дамбе Су, лотосами на ветру, отражением осенней луны в озере, остатками снега на полуразрушенном мосту, двумя скалами, пронзающими облака, отражением луны в трех заводях, вечерним закатом на пике Грома, вечерним звоном колоколов на горе, пением иволг среди ивовых волн, рыбой в цветочной заводи. Индийский храм в число достопримечательностей не входит, хотя расположен между двух скал, пронзающих облака. Живут вблизи храма не только монахи, но и миряне. Там всегда оживленно. Потому Индийский храм по праву можно причислить к достопримечательностям озера Сиху. Главный святой храма — бодхисаттва Гуаньинь, настоятель монастыря — монах в желтой рясе. Уроженец запада, он в совершенстве постиг десять истин.

И правверные буддисты, и мужчины, и женщины, живущие в Ханчжоу и его окрестностях, считают настоятеля живым буддой.

Каждый год пятнадцатого числа второго месяца послушать богослужение собирается много людей, среди них чиновники и женщины из богатых и знатных домов. Пришла в тот день и княгиня Чэн с Лумэй. Циньмо, сославшись на нездоровье, осталась дома. Ведь может прийти Пуюй, а она отлучится и не увидит его. Зато Лумэй охотно согласилась сопровождать княгиню, чтобы полюбоваться красотами озера Сиху. В храме собралось изысканное обще-

ство — княгини, барышни из знатных домов, потомки ванов и гунов, ученые, поэты.

Пришла в храм и княгиня Цзинь, а с ней Фушоу и Юйцинь — помянуть в годовщину смерти старую госпожу.

Вдруг среди множества женщин, возжигавших благовония, она заметила Лумэй и вздрогнула. В тот же момент Юйцинь вскрикнула и сказала Фушоу:

— Взгляни, сестрица! Разве это не барышня Лумэй следует за той важной госпожой, что входит в ворота храма?

— Откуда здесь взяться барышне Лумэй, — рассмеелась Фушоу и, обернувшись, увидела в толпе женщину лет 60, худощавую, в темно-сером халате и синем шелковом плаще. Ее седые редкие волосы были стянуты на макушке в два пучка и украшены золотыми цветами. Шла она величаво, степенно, исполненная чувства собственного достоинства. Одетая во все белое барышня, которая следовала за ней, была хороша, словно дитя Гуаньинь. Личико — цветок богини, брови — словно нарисованные, глаза ясные, чистые, сама тоненькая, изящная, в волосах — живой цветок. Только у Лумэй могла быть такая легкая походка, такие грациозные движения. Что это — сон? Или чудо? Лумэй ожила? Фушоу пошла было вперед, чтобы все выяснить, но княгиня остановила ее.

— Подожди, — сказала она, — я сама это сделаю. В Поднебесной много похожих людей. Трудно себе представить, чтобы маленькая, изнеженная Лумэй, никогда не покидавшая своего дома, вдруг очутилась так далеко, да еще в столь людном месте.

Тем временем княгиня преклонила колени на войлочной подстилке, которую расстелили служанки, и поклонилась Будде. Барышня, которая была с ней, тоже поклонилась и вошла в храм зажечь лампаду перед святым.

Княгиня Цзинь все время за ней наблюдала и больше не сомневалась в том, что это Лумэй. Она позвала служанку и велела все разузнать. Шу вошла в храм, нашла монахиню-распорядительницу и спросила, кто такая княгиня и откуда родом. Монахиня ответила и поинтересовалась, в чем дело. Служанка с поклоном произнесла:

— Я из дома князя Бэня. Моя госпожа тоже пожаловала в храм возжечь благовония. Узрела почтенную княгиню и, восхищенная ее благородством, изъявила желание с ней познакомиться.

Монахиня передала эту просьбу княгине Чэн, а та, услышав, что речь идет о княгине Цзинь, сразу согласилась. Служанка вернулась и обо всем доложила княгине. Женщины встретились в доме настоятеля, где к их приходу зажгли курительные свечи, опустили полог и приготовили чай. Первой пришла княгиня Цзинь, она с поклоном встретила княгиню Чэн и ввела ее в комнату. Пришла и Лумэй. Княгиня Цзинь так изменилась за последние годы, что Лумэй засомневалась, она ли это. Волосы у нее стали совершенно седыми. Фушоу и Юйцин в это время не было, они ушли за одеждой. Поэтому Лумэй спокойно стояла в стороне. Да и княгиня сделала вид, будто не узнала племянницу, и вела себя весьма сдержанно.

— Извините, что встречаю вас в комнате, снятой у монахов, — церемонно произнесла княгиня Цзинь. — Вы были очень любезны, приняв мое приглашение!

Княгиня Чэн с поклоном ответила:

— Жаль, но чтобы встретиться, нам пришлось прибегнуть к помощи монахов.

Княгиня Цзинь спросила:

— Сколько лет почтеннейшей княгине?

— Родилась я в год синей мыши, — ответила княгиня Чэн.

— Вам ни за что не дашь ваших лет, — с улыбкой промолвила княгиня.

— Ну что вы, — возразила княгиня Чэн, — старая стала, никуда не пожусь. А вам, госпожа, сколько лет, позвольте узнать? Много ли у вас сыновей?

— Шестьдесят минуло. А сын у меня один — получил сюда назначение на должность. А у вас есть сын?

Княгиня Чэн со вздохом ответила:

— Сыновей нет. Есть две приемные дочери, — и она велела Лумэй: — Поклонись госпоже.

При слове «приемные» княгиня очень обрадовалась и, когда Лумэй опустилась перед ней на колени, взяла ее за руки, подняла, и непрошенные слезы потекли по щекам. Лумэй не знала, почему, но ей тоже захотелось плакать, на душе стало тревожно. Княгиня Чэн очень удивилась:

— Отчего вы плачете, госпожа, ведь вы не знаете моей дочери, в чем же дело, скажите?

Княгиня, не в силах совладать с собой, промолвила:

— У меня в душе незаживающая рана, — и умолкла, к горлу подступил комок, одна мысль не шла у нее из головы: «Поразительное сходство, неправдоподобное... Ах, девочка, что за несчастная у тебя судьба! Так рано умереть! Будь ты жива, мы никогда более не расставались бы!»

Между тем Лумэй подумала: «Эта княгиня удивительно похожа на тетушку — и голосом, и манерами, но почему она плачет? Нет, не могла она здесь оказаться! Преодолеть окутанные туманом реки, облачные горы», — размышляя, Лумэй так плакала, что даже халат на груди намок.

Княгиня Чэн все больше и больше волновалась.

— Госпожа, — заговорила она, — скажите правду, вы знаете мою дочь? И вы и она плачете. Почему? Объясните, прошу вас!

— Поздно, — произнесла наконец княгиня. — Что я могу вам теперь сказать? Все словно во сне. Прекрасное, как цветок, лицо. Оно мне напомнило... — Женщина снова умолкла.

Княгиня Чэн не могла успокоиться:

— Умоляю вас, госпожа, открыть мне всю правду. Вы что-то скрываете!

— Нестерпимо тяжело говорить об этом, — утирая слезы, произнесла княгиня Цзинь.

— Но я вас прошу, — настаивала княгиня Чэн.

— Хорошо, я скажу, но прошу заранее прощения. Ваша прелестная дочь лицом и статью очень похожа на мою безвременно умершую племянницу.

— Что теперь плакать, если племянницы вашей в живых уже нет? Слезами уже горю не поможешь!

— Сама не знаю, отчего плачу, — ответила княгиня Цзинь, — моя племянница умерла не своей смертью, она покончила с собой.

— Откуда вы родом, почтенная, как ваша девичья фамилия? В каких краях живете? — спросила тогда княгиня Чэн.

— Моя фамилия — Цзинь, я наследую титул Княгини, поддерживающей государство. А родилась на севере, в уезде Цзяньи.

— Каким образом ваша племянница покончила с собой? — продолжала спрашивать княгиня Чэн. — Как ее имя?

Княгиня Цзинь с тяжелым вздохом ответила:

— Детское имя моей племянницы — Лумэй.

Теперь Лумэй больше не сомневалась, что перед ней княгиня Цзинь, вскочила, будто пораженная громом, подбежала, обхватила ее колени.

— Ой, милостивая тетушка! — воскликнула девушка. — Не суждено было мне, несчастной, умереть! — И она зарыдала.

Вне себя от радости княгиня Цзинь обняла Лумэй, и слезы потекли по ее лицу.

В это время появились Фушоу и Юйцин и, узнав обо всем, тоже принялись плакать. Плакала и княгиня Чэн, подумав о том, как бы она встретила свою дочь, оказалась та живой, хотя подобный оборот дела поверг ее в отчаяние. Слез было столько, что они могли затопить храм, и эти слезы радости тронули сердце великой Гуаньинь.

Но вот все успокоились, и служанки принесли чай. Княгиня Цзинь, держа Лумэй за руку, засыпала ее вопросами. Лумэй все подробно рассказала: как хотела броситься в колодец, как Хуамэй ее спасла, как они переоделись юношами и убежали, как потом с чиновником Каном приехали в столицу и как наконец Лумэй стала «женихом» Циньмо.

Услышав, что Циньмо тоже жива, княгиня рассмеялась от счастья, а Фушоу сказала:

— Как все убивались, узнав, что барышня Циньмо утопилась, а она мало того, что жива осталась, так еще была просватана за Лумэй! Ну не забавно ли?

Княгине Цзинь не терпелось узнать все подробно. И княгиня Чэн рассказала, как утонула их дочь Луньюй, как вместо нее вытащили из воды Циньмо, как удочерили ее, а потом сосватали сыну князя по фамилии Бэнь. Княгиня Цзинь слушала и ушам своим не верила. А потом спросила Лумэй:

— Где же твоя «невеста»? Почему не пришла?

— Сказала, что ей нездоровится, и осталась дома с Хуамэй, — с улыбкой ответила Лумэй.

Фушоу, смеясь, обратилась к княгине Цзинь:

— Нездоровится. Интересно, что за «болезнь» с ней приключилась?

Уже перевалило за полдень, и управляющие княгини Цзинь распорядились приготовить угощение. Княгиня Чэн не стала отказываться от приглашения и вместе со всеми села за стол. Фушоу с Лумэй никак не могли наговориться. Теперь настала очередь княгини Чэн задавать вопросы. Ей хотелось знать, что заставило барышень Циньмо и Лумэй решиться на такой отчаянный шаг. И поскольку разговор предстоял деликатный, девушки вышли в соседнюю комнату, оставив наедине обеих княгинь. Там они без умолку болтали, смеялись. Не скучали и княгини. Шу Эрнян заказала музыку, в доме царило веселье. Только что все они плакали, как милосердная бодхисаттва Гуаньинь, а сейчас хохотали, словно толстопузый будда Майтрея.

А теперь расскажем о Пуюе. Из головы у него не шла красавица, которую он видел в башне. Пятнадцатого числа второго месяца княгиня отправилась в

монастырь, и Пуюй поехал ее провожать. У Сломанного моста они расстались, и Пуюй со слугами Ло Цинем и Бао Цзяном верхом направились к Сливовой долине. По дороге он думал:

«В сад, где живет красавица, заходить, пожалуй, опасно. Я и тогда чудом избежал неприятностей. Но сегодня я по-другому одет, и меня вряд ли узнают. В общем, надо рискнуть, вдруг удастся что-нибудь узнать о Циньмо». В тот раз Пуюй любовался прекрасным пейзажем и не заметил, как очутился у сада. А сегодня он волновался, и путь показался длинным. От нетерпения он то и дело подстегивал лошадь, но потом успокоился и так рассудил: «Неспроста красавица сразу спряталась. Что-то за этим кроется. Хотелось бы знать, видела ли она мои стихи. Если не выходила из дому, значит, не видела, напрасно я старался. Как бы там ни было, непременно надо узнать ее имя и фамилию. А там видно будет, что делать». Так размышляя, Пуюй не заметил, как въехал в ущелье.

Он спешил под развесистым деревом, подобрал полы халата, подошел к стене, окружавшей сад, и увидел написанные на ней стихи. «Так я и знал, — подумал Пуюй. — Напрасно писал. Никто не прочел. Сам прочту». Но что это? На месте его стихов были другие. Он даже опешил. И почерк другой, не его. Он небрежно писал, торопился, а тут написано очень изящно. Уж не сон ли это? Пуюй протер глаза, снова прочел написанное и лишь сейчас понял, что это его стихи о белом облаке, только написанные пятисловником:

Далеко в горах вырастают белоснежные облака.
В небо синее поднимается их клубящаяся река.
Созиданья и разрушенья в мире брэнном царит закон —
Рассыпает и собирает эти тучи на небосклон.
Рассекает их ветер быстрей, солнце смотрит на них в упор.
Растекаются и сливаются очертанья воздушных гор.
Но когда налегает яростно повелитель воды — дракон, —
Мир, измученный долгой жаждой, влагой облачной оживлен.

Удивлению и радости Пуюя не было предела. «Чудеса да и только! Ведь это мои стихи! Кроме Циньмо их никто не знает. И почерк ее. Нет сомнения. Я сразу, как только увидел красавицу, подумал: это Циньмо. Может, стихи дух написал? Нет, не дух. Циньмо написала. Прочла мои стихи, узнала почерк и вот подала мне весточку! Стерла мои стихи и написала другие, чтобы никто ничего не заподозрил. Да, Циньмо здесь. О милая! — с горечью подумал Пуюй. — Ты столь же умна, сколь красива. Ты словно предлагаешь мне состязаться в таланте. Но что пользы здесь стоять? Поднимусь-ка я на гору, посмотрю на башню. Может, небо смилоствитится и мы снова увидимся». Пуюй поднялся на гору, посмотрел на башню. И — о чудо! Окно было распахнуто настежь, а возле окна, облокотившись о подоконник, стояла красавица в красных одеждах. Издалека глаза и брови были едва различимы, зато четко вырисовывались прелестный овал и изящная фигурка. Пуюй больше не сомневался в том, что это Циньмо,

и не мог оторвать от нее взгляда. Будь у него крылья, он тотчас полетел бы к ней.

Вернемся теперь к Циньмо. Проводив в тот день княгиню Чэн и Лумэй, она прилегла, но никак не могла уснуть. Тогда она позвала младшую служанку и вместе с ней пошла в Сливовый павильон. Мысль об очень похожем на Пуюя юноше, которого она здесь видела, неотступно ее преследовала. Девушка открыла окно и в этот момент услышала за спиной голос служанки:

— Взгляните, госпожа, как красиво! Вдали горы на фоне разноцветного неба, песчаные холмы как паруса на ветру! Великолепная картина! Ой, барышня! — вдруг вскрикнула служанка. — А там на холме кто-то стоит!

Циньмо посмотрела и действительно увидела на холме какого-то человека в круглой шапочке, красном халате и серой безрукавке. Уж не тот ли это юноша, который приходил в прошлый раз? В радостном волнении Циньмо повнимательней пригляделась

к незнакомцу и узнала в нем Пуую. Он стоял, подставив грудь ветру, заложив руки за спину. Целых полчаса девушка плакала, никак не могла успокоиться. Она поняла, что Пуую увидел написанные стихи и теперь не уйдет, пока не увидит ее. Но как устроить встречу? Ведь их могут заметить. Надо послать к нему служанку с запиской, научить, что делать, как себя вести. Исполненная решимости, она уже хотела позвать служанку, как вдруг услышала шаги. Вошла Хуамэй:

— Что барышня делает здесь в одиночестве? Ждет, когда в окно залетит мячик суженого?

Циньмо было неприятно вспоминать свое «свадьбо», и на лице ее появилось выражение недовольства. Служанка же, ничего не подозревая, с улыбкой сказала:

— Взгляните, сестрица! Какой-то человек стоит на холме и смотрит сюда. Он там давно. Стоит, будто к земле прирос. Не шелохнется.

Циньмо нахмурилась, хотя сердиться было не из-за чего. Хуамэй посмотрела на незнакомца, стоявшего на холме, и быстро захлопнула окно, пробормотав себе под нос:

— Пойти в храм свечку поставить она не может, больна, а мужчину увидела — сразу выздоровела.

Хуамэй вышла в сад, позвала старого садовника, который шел поливать цветы, и крикнула:

— Послушай, Тоу! Там за стеной — вор, что-то высматривает в саду. Надо его изловить!

Увидев на холме чужого, садовник бросил ведро, схватил палку и закричал:

— Эй, бродяга, что тебе надо в нашем саду? Как ты смеешь сюда заглядывать?

Садовник выбежал из ворот и решительно направился к Пуую.

И вот, когда юноша, замороженный, смотрел на окно и они с Циньмо словно были рядом и читали мысли друг друга, окно вдруг захлопнулось, послышался крик и появился седовласый старик с палкой. Пуую стал не спеша, с достоинством спускаться с горы, но едва очутился внизу, за стеной, помчался к коню, вскочил в седло и, провожаемый громкой бранью садовника, поскакал во весь опор.

Единым махом он проскочил Сливовую долину и, лишь убедившись, что нет погони, придержал коня и поехал медленнее.

Доехав до моста Западного холма, он увидел двигающую навстречу процессию паломников и коляски, запряженные лошадьми. В паланкине несли старую княгиню — худую, статную, очень напоминавшую журавля. По всему было видно, что она очень знатного рода. Пуую придержал коня и отдал почести. За паланкином следовала маленькая двухколесная очень красивая коляска, от которой исходило благоухание. В коляску нельзя было запрячь ни лошадь, ни мула, и ее толкал сзади крестьянин. Со всех четырех сторон висели шелковые занавески, сделанные изящно и с большим вкусом. В коляске сидела богато одетая девушка. Вдруг Пуую переменялся в лице, невольно вскрикнул.

Это была Лумэй, вместе с княгиней Чэн она возвращалась из храма домой. Девушка наслаждалась ароматом лотосов, любовалась горами, искрящейся водой, качающимися на ветру ивами и вдруг увидела впереди на белом коне с золотым седлом и серебряной уздечкой юношу в красном халате. Она хотела было спрятаться за занавеску, но, услышав голос юноши, посмотрела на него и едва не вскрикнула — это был Пуую.

Перевод со старомонгольского Л. Г. Скородумовой